

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 6 / 2026, Vol. 9, Iss. 6 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.2
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-182-187

Картирование мышления как метод реконструкции городского пространства Санкт-Петербурга XVIII века

[1] Рубцова М.В.,
[1] Павенков В.Г.,
[1] Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова

Аннотация: статья посвящена анализу концепции когнитивной истории, разработанной российским источниковедом О.М. Медушевской, и возможностям её применения к изучению городского пространства. Рассматривается эпистемологическая логика перехода от классического источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского к когнитивной истории как метанауке о человеке, реализующем себя в культуре через созданные им «источники» как объективированные результаты мышления и деятельности. На этой теоретической основе вводится и операционализируется понятие «картирование мышления», определяемое как метод реконструкции структур сознания эпохи через анализ пространственных, планировочных и символических артефактов. В качестве примера используется Санкт-Петербург XVIII века, рассматриваемый как материализованная когнитивная карта петровского и постпетровского Просвещения: регулярная планировка, осевая и радиальная композиция, размещение институтов науки и власти интерпретируются как «текст», фиксирующий рационалистическую модель мышления эпохи. Делается вывод о продуктивности синтеза источниковедческой эпистемологии Медушевской и урбанистической семиотики для решения задач когнитивной истории.

Ключевые слова: когнитивная история, О.М. Медушевская, источниковедение, картирование мышления, Санкт-Петербург, историческая урбанистика, эпистемология истории, XVIII век

Для цитирования: *Рубцова М.В., Павенков В.Г. Картирование мышления как метод реконструкции городского пространства Санкт-Петербурга XVIII века // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 6. С. 182 – 187. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-182-187*

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа, 2026 г.; Принята к публикации: 26 сентября 2026 г.

Mapping the mind as a method for reconstructing the urban space of 18th-century St. Petersburg

[1] Rubtsova M.V.,
[1] Pavenkov V.G.,
[1] Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

Abstract: this article analyzes the concept of cognitive history developed by Russian source scholar O.M. Medushevskaya and the potential for its application to the study of urban space. It examines the epistemological logic of the transition from the classical source studies of A.S. Lappo-Danilevsky to cognitive history as a metascience of humanity, realizing itself in culture through the "sources" it creates as the objectified results of thought and activity. Based on this theoretical foundation, the concept of "mapping the mind" is introduced and operationalized, defined as a method for reconstructing the structures of consciousness of an era through the analysis of spatial, planning, and symbolic artifacts. 18th-century St. Petersburg is used as an example, viewed as a materialized cognitive map

of the Petrine and post-Petrine Enlightenment: the regular layout, axial and radial composition, and the placement of scientific and government institutions are interpreted as a "text" capturing the rationalist thinking of the era. A conclusion is drawn about the productivity of synthesizing Medushevskaya's source-study epistemology and urban semiotics for addressing the challenges of cognitive history.

Keywords: cognitive history, O.M. Medushevskaya, source studies, mind mapping, St. Petersburg, historical urban studies, epistemology of history, 18th century

For citation: *Rubtsova M.V., Pavenkov V.G. Mapping minds as a method for reconstructing the urban space of 18th-century St. Petersburg. Historical Bulletin. 2026. 9 (6). P. 182 – 187. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-6-182-187*

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 26, 2026.

Введение

Одной из наиболее продуктивных линий развития отечественной теории исторического познания последних десятилетий стала концепция когнитивной истории, сформулированная Ольгой Михайловной Медушевской (1922-2007) в её итоговой монографии «Теория и методология когнитивной истории» (2008) [1]. Эта концепция выросла из многолетней работы автора в области источниковедения и представляет собой попытку вывести историческое знание на уровень общей когнитивистики – междисциплинарного пространства, объединяющего когнитивную психологию, теорию информации, семиотику и науки об искусственном интеллекте [1, с. 7-8]. Актуальность обращения к наследию Медушевской обусловлена теоретико-методологическим значением её работ для источниковедения. Предложенная ею эпистемологическая модель «человек, реализующий себя в источнике» открывает продуктивные перспективы для анализа немассовых, невербальных по своей природе исторических объектов, в частности городского пространства.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составила эпистемологическая модель когнитивной истории О.М. Медушевской. Исторический источник рассматривается как результат целеполагающей деятельности человека, а человек как субъект исторического процесса, самореализацию которого мы можем зафиксировать через доступные нам исторические источники. Как отмечает О.М. Медушевская «История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности» [1, с. 17]. Эта методологическая установка привана примирить конфликт историков-позитивистов и историков-нарративистов, и позволить исторической науке наконец приступить к выявлению общечеловеческих параметров исторического процесса.

Данная статья решает две взаимосвязанные задачи. В ней проведена реконструируется концепция когнитивной истории в интерпретации О.М. Медушевской. Рассмотрены её эпистемологические основания и соотношение с классическим источниковедением Лаппо-Данилевского. Далее на основе концепции Медушевской вводится понятие «картирование мышления», которое апробируется на материале Санкт-Петербурга XVIII века. Санкт-Петербург XVIII века выбран потому что новая столица Российской империи строилась в соответствии с генеральным планом. Регулярная планировка города традиционно рассматривается историками как прямое выражение идеологии и мировоззрения эпохи Просвещения и характера реформ Петра I. Для решения поставленных задач применён комплексный подход, включающий метод когнитивного картирования и семиотический анализ городской среды.

Результаты и обсуждения

Концепция О. М. Медушевской принадлежит к источниковедческой школе, восходящей к трудам А.С. Лаппо-Данилевского и его методологии «исторического построения» [3]. Источник в этой методологической перспективе – это объективированный результат работы человеческого сознания, и потому его изучение может рассматриваться как реконструкция когнитивных операций, которые привели к его созданию [1, с. 48-49]. Эта предпосылка позволяет рассматривать источниковедение не как вспомогательную историческую дисциплину как это принято в современном историческом познании. Источниковедение становится системообразующим ядром гуманитарного знания в целом, что в свою очередь позволяет переосмыслить саму историческую науку как часть более широкого когнитивного комплекса дисциплин. История должна

взаимодействовать с семиотикой, культурной антропологией, психологией восприятия, исторической географией и урбанистикой [1, с. 7-8].

Причем источниковедение возвращает историческую науку к ее эмпирическим основаниям, к миру фактов, что удовлетворет требованиям современного познания в целом. История в этой перспективе понимается как реконструкция способов, которыми человек познавал, категоризировал и организовывал окружающую действительность в определённую историческую эпоху. Её предметом является не событие само по себе, а структура сознания, породившая источник как его следствие. Поэтому концепция когнитивной истории Медушевской, восстанавливая эмпирическую программу истории как строгой дисциплины не противоречит и нарративным историческим школам, основанным на философии понимания. Действительно, так как центральной категорией концепции Медушевской выступает «человек как живая система, способная целенаправленно и осознанно создавать продукт, придавая ему структуру, пригодную для выполнения функций, к осуществлению которых этот продукт предназначен» [1, с. 48], то историк, работающий с источником, реконструирует не «объективную реальность» как таковую, а тот образ реальности, который сложился в сознании создателя источника и был им материализован. Такая установка сближает концепцию Медушевской с герменевтической традицией (В. Дильтей, Э. Гуссерль) и одновременно удерживает её в рамках строгой источниковедческой методологии, требующей верификации и критики источника.

Теперь определим понятие «картирование мышления» и его эвристический потенциал в исторической науке. Термин «картирование мышления» многозначен. В прикладной психологии и педагогике он чаще всего используется в узком смысле – как техника визуализации идей («интеллект-карты», mind-mapping, восходящие к методике Т. Бьюзена). В настоящей статье понятие используется в ином, эпистемологическом значении, восходящем к традиции когнитивной географии (cognitive mapping) – начиная с работ Э. Толмена о «когнитивных картах» животных и человека [7] и с исследования К. Линча «Образ города», показавшего, что городская среда прочитывается жителями как структурированный ментальный текст, организованный вокруг путей, границ, районов, узлов и ориентиров [6].

В контексте когнитивной истории Медушевской «картирование мышления» может быть определено как метод реконструкции устойчивых когнитивных структур исторической эпохи (представлений о пространстве, власти, порядке, времени, знании) через анализ материальных и знаковых артефактов, в которых эти структуры были объективированы, – в первую очередь через планировочные, архитектурные и градостроительные решения. Городской план, регулярная застройка, размещение доминант – это не нейтральная «данность», а такой же источник, как текст или документ: он есть «реализованный продукт психической деятельности», зафиксировавший то, как человек эпохи мыслил пространство, порядок и своё место в мире.

Операционально можно выделить три взаимосвязанных уровня, на которых картирование мышления реализуется применительно к городу как историческому источнику:

- уровень геометрии и топологии – регулярность/иррегулярность планировки, наличие осей, радиусов, симметрии как выражение рационалистической либо органической модели мира;
- уровень семантики – символическая нагруженность отдельных точек городского пространства (собор, крепость, дворец, академия) как узлов смысловой сети, фиксирующей иерархию ценностей эпохи;
- уровень нарратива – последовательность освоения и «прочтения» города субъектом (маршруты, перспективы, точки обзора), моделирующая тот сценарий восприятия действительности, который закладывался создателями пространства.

3. Санкт-Петербург XVIII века как материализованная карта мышления

Санкт-Петербург, основанный в 1703 году и с 1712 года ставший столицей, представляет собой едва ли не идеальный пример для апробации метода картирования мышления, поскольку это один из немногих крупных европейских городов Нового времени, построенных по единому регулярному замыслу «регулярного города», воплощавшего идеалы петровской эпохи [1; 8; 9]. Прямые проспекты, прорезающие пространство по заранее заданным осям (Невский проспект, Вознесенский проспект, Гороховая улица, сходящиеся к Адмиралтейству лучами), радиально-веерная и одновременно линейно-осевая структура центральной части города – всё это не столько ответ на природные условия местности (напротив, часто вопреки болотистому ландшафту), сколько прямая проекция рационалистического мышления эпохи Просвещения, воспринимавшего пространство как поддающийся полному упорядочиванию, управляемый объект [10, с. 148].

В отечественной исторической науке феномен петровского градостроительства традиционно оценивается через призму административно-политических реформ. Так, в классических трудах С.П. Луппова детально реконструирована социально-экономическая и организационная база возведения новой столицы, показана жесткая государственная детерминированность строительного процесса [11, с. 85]. Однако метод ко-

гнитивного картирования позволяет сместить фокус исследовательского внимания с аспектов управления на выявление глубинных ментальных структур. Регулярный план в этой оптике предстает не просто результатом административных действий, а материализованной ментальной схемой, фиксирующей картезианское понимание пространства как однородной протяженности, доступной полному рациональному переустройству.

Применим трёхуровневую модель картирования мышления к анализу городской среды. На уровне «геометрии пространства» план застройки Петербург фиксировал переход от средневековой, «стихийно» разраставшейся модели русского города (как Москва с её кольцевой структурой) к новоевропейской, картезианской модели пространства как однородной, измеримой и организуемой по единому плану. Например, регулярная сетка кварталов Васильевского острова, которая первоначально должна была стать аналогом голландских или венецианских каналов показывает, что мышление заказчика (Петра I) и исполнителей (Д. Трезини и др.) оперировало уже пространством как чертежом, предшествующим самой застройке.

На семантическом уровне размещение ключевых зданий Петербурга XVIII века образует устойчивую сеть узлов, кодирующих иерархию ценностей эпохи. Адмиралтейство как символ военно-морской мощи и одновременно геометрический центр, от которого расходятся главные проспекты, помещает государственную власть в центр городской когнитивной карты. Петропавловская крепость на противоположном берегу Невы фиксирует истоки основания города и выполняет сакрально-мемориальную функцию (как усыпальница императорского дома). Здание Двенадцати коллегий, Академия наук с Кунсткамерой как «палатой редкостей», задуманной как модель универсального знания о мире, образуют вторую по значимости группу узлов, кодирующих просвещенческую идею государства, управляемого рациональным знанием. Показательно, что Кунсткамера, один из первых музеев России, была сознательно ориентирована фасадом на Неву и Зимний дворец, образуя визуальный и смысловой диалог между «знанием» и «властью», который прочитывается как прямая объективация доктрины «регулярного государства» в рамках складывающейся в XVIII веке идеологии Просвещения, где наука выступает инструментом и легитимацией власти.

Наконец, на нарративном уровне сама логика перемещения по городу от парадных набережных и проспектов к периферийным слободам моделировала для современника определённый сценарий «прочтения» новой столицы как движение от природной, «дикой» периферии к геометрически упорядоченному, «регулярному» центру, что повторяло на уровне телесного опыта горожанина базовую идеологическую метафору эпохи - превращение хаоса (пустынных болот дельты Невы) в порядок (регулярную столицу империи) усилием разумной, просвещённой воли монарха. Так, например, камер-юнкер Ф. В. Берхгольц в своем дневнике неоднократно обращал внимание на поразительную прямоту проспектов (в частности, «Невской першпективы»), отмечая, что волевое насаждение симметрии и упорядоченной застройки буквально преображает болотистый ландшафт, превращая его в регулярное европейское пространство [12]. Таким образом, маршрут по городу становился своего рода инсценировкой философии истории петровской эпохи, в которой прогресс мыслился как последовательное наступление «регулярности» на «естественную» стихию.

Выводы

Анализ городского пространства Петербурга XVIII века на основе методологии «когнитивной истории» показывает, что городской план и застройка отвечают всем критериям исторического источника в рамках данного подхода. Они являются объективированным, устойчиво зафиксированным результатом целеполагающей человеческой деятельности, поддающимся декодированию исследователем через реконструкцию замысла и контекста создания [1, с. 29]. В отличие от письменного источника, «текст» города прочитывается телесно через перемещение, восприятие перспектив и масштабов, что делает картирование мышления особенно чувствительным методом именно для пространственных источников, плохо поддающихся традиционным приёмам текстологической критики.

Вместе с тем принципиальным требованием источниковедческой школы Медушевской является критика источника, установление обстоятельств и целей его создания, которое сохраняет свою силу и здесь: интерпретатор обязан учитывать, что регулярный план Петербурга является проекцией замысла заказчика и архитекторов, а не «стихийным» самовыражением города как целого. Расхождения между замыслом и реальным осуществлением (незавершённость ряда регулярных проектов, стихийная застройка окраин) сами по себе являются информативным историческим источником о пределах и противоречиях просвещенческого рационализма петровской и екатерининской эпох. Таким образом, предложенный в работе метод «картирования мышления» наглядно показал свои аналитические возможности на материале Петербурга XVIII столетия.

Список источников

1. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
2. Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М.: РГГУ, 1996. 79 с.; ISBN 5-7281-0060-0.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с. ISBN 5-7333-0150-3.
4. Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 4. С. 12 – 22.
5. Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской / отв. ред.: М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков. Москва: РГГУ, 2011. 501, ISBN 978-5-7281-1138-2
6. Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 194 p.
7. Tolman E.C. Cognitive Maps in Rats and Men // Psychological Review. 1948. Vol. 55. No. 4. P. 189 – 208.
8. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб., 1922. 228 с.
9. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. С. 9 – 22.
10. Рубцова А.В., Рубцова М.В. Понятие управляемого пространства в социологии управления // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2026. № 3. С. 148 – 150. DOI 10.37882/2223-2974.2026.03.23
11. Луппов С.П. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 195 с.
12. Берхгольц Ф.В. (1699-1765). Дневник каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год: пер. [предисл.] с нем. И. Аммон. 4 т.; 23. Москва: тип. Каткова и К°, 1858-1863, 1858. 275 с.

References

1. Medushevskaya O.M. Theory and Methodology of Cognitive History. Moscow: RSUH, 2008. 358 p.
2. Medushevskaya O.M. Source Studies: Theory, History, and Method. Moscow: RSUH, 1996. 79 p.; ISBN 5-7281-0060-0.
3. Lappo-Danilevsky A.S. Methodology of History. Moscow: Publishing House "Territory of the Future", 2006. 472 p. ISBN 5-7333-0150-3.
4. Rumyantseva M.F. Phenomenological Concept of Source Studies in the Interpretation of Olga Mikhailovna Medushevskaya. Bulletin of the RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2009. No. 4. P. 12 – 22.
5. Cognitive history: concept – methods – research practices: readings in memory of Professor Olga Mikhailovna Medushevskaya/ eds.: M.F. Rumyantseva, R.B. Kazakov. Moscow: RSUH, 2011. 501, ISBN 978-5-7281-1138-2
6. Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 194 p.
7. Tolman E. C. Cognitive Maps in Rats and Men. Psychological Review. 1948. Vol. 55. No. 4. P. 189 – 208.
8. Antsiferov N. P. The Soul of Petersburg. St. Petersburg, 1922. 228 p.
9. Lotman Yu.M. Symbols of St. Petersburg and problems of semiotics of the city. Lotman Yu.M. Selected articles: in 3 volumes. Tallinn: Alexandra, 1992. Vol. 2. P. 9 – 22.
10. Rubtsova A.V., Rubtsova M.V. The concept of managed space in the sociology of management. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2026. No. 3. P. 148 – 150. DOI 10.37882/2223-2974.2026.03.23
11. Luppov S.P. History of the construction of St. Petersburg in the first quarter of the 18th century. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. 195 p.
12. Berkhgolts F.V. (1699-1765). The diary of Kammerjunker Berchholtz, kept by him in Russia during the reign of Peter the Great, from 1721 to 1725: trans. [preface] from German by I. Ammon. 4 vol.; 23. Moscow: Katkov and Co. printing house, 1858-1863, 1858. 275 p.

Информация об авторах

Рубцова М.В., доктор социологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4003-4988, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, abc33@yandex.ru

Павенков В.Г., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1142-3389, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, pavenkovvg@yandex.ru

© Рубцова М.В., Павенков В.Г., 2026